

The background of the entire page is a reproduction of Vincent van Gogh's painting 'Almond Blossom'. It depicts a gnarled, dark brown almond tree branch in full bloom, with numerous small, light pink and white blossoms. The background is a vibrant, clear blue sky. The brushwork is characteristic of Van Gogh, with visible, rhythmic strokes.

Шарлотт Марешаль

**О ПАРИКЕ, ПАВЛИНЕ
И ЗАГАДОЧНОМ
ДОКУМЕНТЕ,**

или Невероятные приключения
парижанки Франсуазы Бонне

Шарлотт Марешаль
О парике, павлине и
загадочном документе. Или
Невероятные приключения
парижанки Франсуазы Бонне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577285
ISBN 9785448398964

Аннотация

История с мистикой, галлюцинациями, путаницей и погоней, приправленная атмосферой Парижа и поданная в ресторане Эйфелевой башни.

Содержание

1	5
2	11
3	15
4	21
5	27
6	31
7	35
8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**О парике, павлине и
загадочном документе
Или Невероятные
приключения парижанки
Франсуазы Бонне**

Шарлотт Марешаль

© Шарлотт Марешаль, 2018

ISBN 978-5-4483-9896-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

«Лучше возьмем географию. Лондон – это столица Парижа, а Париж – это столица Рима, а Рим...»

Л. Кэрролл, «Алиса в стране чудес»

Эта история началась, кажется, в одно прекрасное майское утро, когда выяснилось, что муж Брижит внезапно сошёл с ума.

Лично мне Эрик Бриссар не нравился никогда, как, видимо, и я ему, и дело тут совсем не в пятнадцати годах разницы между нами, хотя и это важно. Только представьте себе – в юности он отплясывал на вечеринках под Бони Эм! Если он вообще когда-либо отплясывал и был юным. Но дело, как я уже сказала, не в этом. Эрик был жутким занудой. У него была скучная работа, серая внешность, средний интеллект. Шуток он не любил и, по-моему, толком их не понимал, хотя в компании заставлял себя улыбаться, и его вид неизменно вселял в меня уныние. Красивая, умная и талантливая Брижит вышла за него замуж три года назад по совершенно неизвестным для меня причинам, и появлялась с ним почти везде, где мы встречались с университетскими друзьями и теми, кто так или иначе оказался вовлечённым в нашу компанию в последние годы. Какой-то древний инстинкт, может быть,

инстинкт самосохранения, всегда заставлял меня бороться с эриковой занудностью, я подбивала друзей на шутки, в которых он был жертвой и мишенью, задавала разные оригинальные вопросы, чтобы дать ему шанс оригинально на них ответить, но всё напрасно. Рано или поздно, видимо, один из нас неминуемо сошёл бы с ума, и мне повезло, что жребий пал на Эрика. Правда, дальнейшие события показали, что радоваться этому совсем не следовало...

Но я забегаю вперед. На самом деле события развивались так. В субботу 15 мая мне позвонил наш общий приятель Лоран и голосом, полным тревоги, сообщил, что, как ему кажется, у Бриссаров что-то стряслось. Как раз в этот момент я старалась не запачкать трубку зелёной маской, которую приготовила собственноручно из авокадо, наложила на лицо и теперь не могла снять до тех пор, пока не высохнет лак на ногтях. Ногти я почему-то начала красить после нанесения маски. Не подумайте, что я всегда такая рассеянная. Как раз наоборот, друзья восхищаются моим здравым смыслом и предусмотрительностью, а это о чём-то да говорит. Спишем инцидент с авокадной маской на игру случая.

По тем или иным причинам мой голос, наверное, тоже прозвучал озабоченно, когда я спросила Лорана, что, чёрт возьми, он имеет в виду.

Он ответил, что полчаса назад позвонил Брижит, чтобы договориться насчёт их делового randevu с новой пассией

Лорана, которая мечтала пробиться на сцену Лидо¹ (Брижит работала там костюмершей и считалась в нашем кругу кем-то вроде проводника в мир искусства), но Брижит не застал, а услышал в трубке странное бормотание, которое сначала принял за работающее радио, но потом понял, что голос принадлежит Эрику. Тем не менее, он (голос) вёл себя так, как если бы исходил из радиоприёмника, то есть на вопросы не отвечал, говорил не переставая, а главное, нёс абсолютную бессмыслицу.

Это, на мой взгляд, не было тревожным сигналом. Всё, что когда-либо говорил Бриссар, как правило, не имело никакой особенной смысловой ценности. Тем не менее, сообщение Лорана слегка меня обеспокоило. К тому же маска на лице начала подсыхать, и я вынуждена была перейти к конкретным шагам.

– Ты дозвонился до Брижит? – спросила я.

– Нет, её мобильный не отвечает, как всегда, – ответил Лоран. Что правда, то правда. Брижит исправно носила мобильный в сумочке, но проблема была в том, что с сумочкой она расставалась при любой возможности – в кафе вешала на соседний стул, на работе убирала в шкаф, а дома забрасывала в гардеробную. При этом её телефон частенько звонил беззвучно – Брижит старалась не привлекать к себе лишнего внимания. Таким образом, чтобы разговор состоялся наверняка, приходилось звонить ей домой, что и проделал Лоран,

¹ «Лидо» («Lido») – знаменитое кабре на Елисейских Полях.

теперь явно об этом жалевающий.

Я пообещала, что возьму на себя поиски Брижит и прояснение ситуации, постаралась избавиться поскорее от Лорана и обнаружила наконец, что половина кнопок на телефонной трубке покрыта маслянистой зелёной субстанцией, но зато лак на ногтях полностью высох. Прикинув, что за то время, что я проведу в ванной, с супругами Бриссар вряд ли случится что-то непоправимое, я побрела к раковине смывать маску, на ходу пытаюсь счистить зелень с кнопок. И тут телефон зазвонил снова.

Я вспомнила про громкую связь (лучше поздно, чем никогда) и нажала нужную кнопку. Из трубки раздался голос моего друга, Марка:

– Привет, бэби! – поздоровался он. Всю последнюю неделю Марк примерял на себя ковбойский образ, и, надо сказать, это становилось утомительным. Он был актёром, настоящим актёром – играл в кино и театре, был высоким, темноволосым и обаятельным. – Какие планы на сегодняшний вечер?

– Марк, я не могу разговаривать. Я перезвоню.

– А, так ты не одна? Кто он, скажи, и я пристрелю его, как бешеного койота!

Ну вот. Почему люди искусства не могут вести себя как все? Зачем мучить других людей, не давая им пройти в ванную смыть маску, чтобы позвонить своей рассеянной подружке, муж которой ведёт себя странно и бормочет несуразности

в трубку?

– Марк, я перезвоню.

Я добралась до ванной, проделала с лицом все необходимое и вдруг вспомнила, что Брижит на выходные собиралась в Алансон, навестить родителей. Она почти всегда ездила в Алансон одна, без мужа, и в этом её трудно упрекнуть. Достаточно и того, что друзья в Париже видят, что собой представляет твоя личная жизнь. Хотя тут, согласна, налицо моё предубеждение против злополучного Эрика. Но, так или иначе, Брижит сейчас в Алансоне, а, следовательно, Эрик один, и если и имеет смысл куда-то звонить, то именно ему.

Я начала набирать номер Бриссаров и вдруг подумала – что я скажу Бриссару? Нам никогда не удавалось нормально разговаривать, даже когда он был адекватен, а если Лоран прав, сейчас про него нельзя было этого сказать. Был ли он пьян, или наглотался не тех таблеток, или играл в Человека дождя, как ни чудовищно было всё это предполагать – я понятия не имела, как вести разговор. Но всё же позвонила.

Трубку долго никто не брал. После десятого или одиннадцатого гудка в ней раздался абсолютно нормальный, уверенный в себе, чёткий голос. Не Эрика.

– Здравствуйте, квартира Бриссаров. Чем могу помочь?

Я запнулась. Такого я почему-то не ожидала, хотя это, безусловно, упрощало процесс общения.

– Я Франсуаза Бонне, здравствуйте. Могу я услышать мсье

Бриссара?

– Увы, нет. В настоящее время он находится на пути в Марсель.

Хмм.

– Когда же я смогу поговорить с ним?

– Увы, мадемуазель, боюсь, что уже никогда.

Я была так ошеломлена этой информацией, ну просто полностью сбита с толку, что в ответ смогла произнести самую нелепую вещь, которую только можно вообразить в этой ситуации.

– Спасибо, мсье.

И положила трубку.

2

«Как ни болтливы иностранки — Парижских дам язык длинней»

Ф. Вийон, «Баллада о парижских дамах»

Конечно, нормальный человек перезвонил бы и спросил у приятного мужского голоса, что, собственно, он имел в виду. Ведь могло случиться, что, скажем, Эрик задолжал сицилийским мафиози и спешно продал квартиру, или у него внезапно заболел двоюродный дядя, или у моего собеседника просто-напросто отвратительное чувство юмора, а ему никто об этом не может сообщить, потому что все вешают трубки и недоуменно спрашивают себя, о чём, собственно, он только что говорил. Но я не перезвонила. Зато перезвонил сам телефон. То есть, я хочу сказать, зазвонил.

– Франсуаза, ты завела себе любовника, – произнес в трубку трагический голос. Боже, я забыла про Марка! – Выкладывай всё начистоту.

И я выложила всё, что произошло в это утро. У Марка есть недостатки, но я обожаю его за то, как он умеет слушать. Правда, по окончании моего рассказа он сразу начал строить фантастические версии происходящего.

– Это грандиозно, Бриссар заделался суперагентом! – кричал он. – Он смог вывезти из Парижа жену, а сам угодил

в лапы ЦРУ и, конечно, будет перевербован, иначе это уже не наш старина Эрик!

– Марк, по-моему, это не смешно. Если верить Лорану, с Эриком что-то произошло, а то, что он теперь уехал, только подтверждает это. И что делал тот мужчина в их доме? Можно, конечно, предположить, что он сантехник, или плиточник, или...

– ...или кровельщик, или маляр, или водопроводчик, или кузнец! Ну, честное слово, Франсуаза, это уже ни в какие ворота не лезет! Ты говорила с Брижит?

Сошлись на том, что развитие ситуации требует именно этого. Кроме того, Марк собирался зайти за мной, чтобы мы могли посетить выставку фотографии в Гран Пале и пообедать.

И я набрала номер Брижит.

Трубку она взяла почти сразу. По шуму, в котором тонул её голос, я поняла, что она находится в пути – в поезде или в машине, и я сама того не осознавая, начала кричать во весь голос:

– Привет! Как дела?

– Привет, Франсуаза! Все прекрасно, как ты?

Так, пора переходить непосредственно к теме сегодняшнего утра.

– Брижит, ты, случайно, не знаешь, куда подевался Эрик? Есть одна книга, о которой я хочу его спросить, не могу дозвониться.

– Эрик? О, у него срочная работа, он говорил мне, что все выходные проведет дома в своём кабинете. Мы договорились, что я не буду его беспокоить, а он свяжется со мной вечером. Так что за книга?

– О, ничего особенного, – сказала я, судорожно подбирая следующую фразу. И не подобрала. Возникла пауза, и в это время сквозь шум, в котором тонул голос Брижит, я отчетливо услышала женский голос, объявлявший название станции – «Пирамиды». Это был голос парижского метро.

– Брижит, ты сейчас в Алансоне?

– Что? О, да, да. Я в кафе около вокзала – жутко проголодалась, вот и завтракаю под шум поездов...

– Когда ты уезжала из дома, Эрик был здоров?

– Что? О, да, конечно, всё в порядке. Прости, дорогая, я должна бежать!

Куда? К родителям? К вокзалу? К Лувру? Что происходит?

– Брижит. Не знаю, как тебе сказать, но в настоящий момент Эрика нет дома, там незнакомый мужской голос, а голос Эрика последним слышал Лоран, и он клянётся, что уж в тот момент твой муж был точно не в себе. Что происходит?

– Извини, Франсуаза, но мне и правда пора бежать. Не могу пока объяснить, перезвоню позже.

И положила трубку.

Мне пришлось сделать то же самое, и я сказала себе, что, в сущности, я не опекун семейки Бриссаров, и не их личный

психотерапевт, поэтому лучше было бы оставить их разбираться самим со своими несуразностями в виде странных голосов, непонятного местонахождения и вообще неадекватного поведения. Мы провели с Марком замечательный день, и понемногу та суббота стала забываться.

3

«Быть в курсе дел не всегда значит принимать в них участие».

М. Пруст

Мне пришлось вспомнить её через неделю, когда вдруг выяснилось, что пропала и Брижит. Поначалу никто из нас не придавал большого значения отсутствию Бриссаров в кафе «Бернадотт», кино и других местах наших обычных вылазок, но в один прекрасный день я вдруг столкнулась на улице Амстердам с Вивьен, танцовщицей из Лидо, с которой была знакома ещё по колледжу, и от неё узнала, что Брижит уже неделю не появляется на работе, на звонки не отвечает, и начальство было вынуждено попросту заочно её уволить. Главная странность тут была, конечно, именно в этом заочном увольнении. По-моему, это всё равно, что, например, вызвать на дуэль эсэмэской, или плюнуть в фотографию своего бывшего парня, или в ярости молотить по стене подушкой, представляя, что где-то здесь твоя бывшая училка, которую ты когда-то тихо и терпеливо ненавидела. Ну то есть это лишено практического смысла. Но тем не менее Брижит уволили, то есть в связи с тем, что она не посещала рабочее место, ей запретили его посещать.

Я сразу вспомнила наш с ней разговор по телефону, ко-

гда вопреки очевидному она утверждала, что находится у родителей в Алансоне, за двести пятьдесят километров от Парижа, и мне снова стало немного тревожно. Ещё я вспомнила, что в последнее время все попытки связаться с кем-либо из Бриссаров были неудачными – Брижит не отвечала на звонки, у Эрика же телефон вообще находился вне зоны обслуживания. Не то чтобы мы настолько безразличны к друзьям, что не замечаем их исчезновений, но вы сами подумайте – стали бы вы сломя голову носиться по Парижу, если бы на ваши звонки пару раз не ответила рассеянная костюмерша из Лидо и её зануда-муж?

Но после слов Вивьен я начала размышлять. Я подумала, что от всего этого исходит какой-то волнующий аромат таинственности, и то, что он окружал таких не примечательных до того момента персон, как Бриссары, только усиливало интерес. Непонятно почему, но я тут же решила, что обязана во всём разобраться. И начать захотелось немедленно.

Отделавшись от болтовни Вивьен, я зашла в метро и доехала до станции Терн, и довольно быстро оказалась на улице Ложье, около дома, в котором жили Бриссары. Их квартира была на третьем этаже. На первом находилась мастерская по ремонту бытовой техники, а справа от стеклянных витрин была массивная дверь в жилую часть дома, которая оказалась незапертой. Я вошла в подъезд и только тут задала себе вопрос – что, в сущности, я сейчас делаю? Как я проникну в квартиру? Что ж, есть надежда, конечно, что дома

у Бриссаров кто-то есть, и он мне откроет. Это казалось разумным, поэтому я без колебаний предъявила себе этот аргумент, сама с собой согласилась и уверенно вошла.

Поднявшись на третий этаж, я прислушалась. Дом был хороший, с толстыми стенами, никаких звуков до меня не доносилось. Я бросила взгляд на квартиру напротив, которую, насколько я помнила, занимала пожилая супружеская пара с котом, и приблизилась к двери в квартиру Бриссаров. Подойдя вплотную, я сделала то, что, осмелюсь предположить, сделала бы каждая уважающая себя женщина на моём месте – наклонилась и приникла ухом к замочной скважине. Это естественно – если вы в центре таинственных необъяснимых событий, надо попытаться получить максимум информации из всего, что имеет к ним отношение. Приникая к скважине, я успела подумать, что следующим моим шагом должно стать изучение состояния придверного коврика Бриссаров, но тут меня буквально разорвало на части оглушительным звонком мобильного телефона.

Это был Марк, он только что вернулся из Оверни, где снимался в рекламе сыра. Ну, вы знаете эти ролики – там безоблачно счастливые дети смеющимися голосами просят у своих сияющих от счастья и беззаботности родителей ещё одной порции этого чудесного незабываемого йогурта, или чего там – сыра, и в конце все смеются и сидят на лоне природы в окружении этих восхитительных паштетов. То есть сыра, конечно. Как будто французский сыр можно рекламировать

наравне с другими, привычными и повседневными продуктами питания. Как будто можно придумать и снять достойный ролик, который бы убедил французов отдать предпочтение какому-то одному сорту сыра из сотен, а может, и тысяч существующих в этой стране. Как будто для нас нет ничего более достоверного, чем профессиональная улыбка Марка на фоне стада счастливых альпийских коров.

Сыр – это, конечно, визитная карточка Франции. Как Эйфелева башня, Одри Тоту или кофе с круассаном. Его много, он разный. «Рокфор», камамбер, бри, «Монт д'Ор», «Комте». Твёрдый, мягкий, плавленый, с плесенью зелёного, голубого, чёрного, красного цвета. С багетом, нарезанный кусочками, растопленный с картошечкой, в салате... Из коровьего, козьего, овечьего молока. Из сырого, конечно, не пастеризованного, чтобы сыр имел свой неповторимый, уникальный, «сырный» аромат. Да что там говорить! Любой француз может рассуждать о сыре целый вечер, всё то время, что сидит за столом в компании друзей. Для каждого сорта – «своё» вино, которое позволит вкусу сыра раскрыться лучшим образом, или, как говорится, составить с вином самую удачную гастрономическую пару.

Другими словами, «un repas sans fromage comme un journee sans soleil», то есть обед (или ужин) без сыра – что день без солнца.

Но обо всём этом я тогда не думала, пока, пытаясь успокоить своё прыгающее сердце, шёпотом объясняла Марку,

что несколько занята. Одновременно я лихорадочно искала подходящий ответ на случай, если кто-нибудь вдруг окажется рядом и спросит, почему я шепчу в трубку вместо того, чтобы разговаривать нормальным голосом, как обычно и поступают нормальные люди. Ещё я понимала, что таинственный шёпот скорее привлечёт внимание соседей, чем поможет остаться незамеченной, но не шептать я не могла, потому что чувствовала себя мальчишкой, играющим в разведчика, которому ни в коем случае нельзя дать себя обнаружить. Бред, конечно. Тем более что Марк не смог меня понять и просто предложил перезвонить ему, когда я буду в состоянии произнести хоть одно слово.

Я опять приблизилась к двери в квартиру Бриссаров и прислушалась. Ничего. Ну, то есть я, конечно, и не могла ожидать, что в этот момент за дверью раздастся выстрел, или что мужской голос с лёгким иностранным акцентом произнесёт: «Теперь мы готовы объявить войну Соединённым Штатам», или что-то ещё. Но тишина явно показывала, что внутри ничего не происходит, а значит, скорее всего, там никого нет. Тогда я подёргала ручку двери, хоть это и было, на первый взгляд, лишено всякого смысла. И в тот момент, когда я дёрнула в третий раз, я вдруг вспомнила о смешной привычке Брижит хранить рядом с дверью запасной ключ – как она уверяла, это удобно, если твой куда-то потеряется. Насколько я знала, этим ключом никто никогда не пользовался, но в его существовании сомневаться не приходилось,

потому что привычки свои Брижит не меняла, если к тому не было совсем уж серьёзных причин. К тому же место для тайника она выбрала такое, где найти ключ мог бы только тот, кто знал о нём.

Я подошла к лестнице и начала прощупывать перила, так сказать, с изнаночной стороны, внизу они имели небольшой жёлоб, куда как раз можно было запихнуть ключ. И мои поиски почти сразу же увенчались успехом – ключ был там. Я вытащила его и снова подошла к двери. Мое сердце колотилось так, что казалось, весь Париж должен уже встревожиться от странного шума и начать выяснять, где находится эпицентр землетрясения. Я вставила ключ в замочную скважину и повернула его. В этот я момент услышала шаги и голоса за дверью соседней с Бриссарамми квартиры и поняла, что дверь вот-вот откроется, и я буду поймана с поличным. Нельзя было терять ни секунды. Я проскользнула внутрь квартиры Брижит и Эрика, и, уже находясь в безопасности, услышала, как их соседка выходит на лестничную клетку. А после того, как услышала шаги по ступенькам, аккуратно закрыла дверь.

4

«Женщины делятся на две категории: рассеянные, которые вечно забывают на диване перчатки, и внимательные, которые одну перчатку обязательно приносят домой».

Марлен Дитрих

Я осмотрелась. Не знаю, что я ожидала увидеть. Может, разбросанное по комнатам содержимое шкафов и ящиков для белья, оторванные обои и разрезанные вдоль матрасы и подушки. Или, на худой конец, труп. В детективных романах при таких обстоятельствах обычно находят труп, и герой попадает в очень сложную ситуацию, пытаясь потом доказать всем вокруг, что не он был последним, кто видел жертву живой.

Но трупа не было. Не было и следов обыска, во всяком случае, в холле и тех комнатах, которые просматривались из него. И вообще, всё было так, как и всегда, и я почувствовала себя глупо. Что теперь? Я влезла в дом своей подруги и её мужа, которого терпеть не могла, в поисках объяснений их исчезновению. Но где искать? Вот холл, здесь диван-канapé, журнальный столик, полки с книжками и сувенирами, в основном в виде слонов – Брижит коллекционировала их последние три месяца, с тех пор как закончила коллекционировать крокодилов, потому что в один прекрасный день ока-

залась просто завалена ими. Каждый, знавший об этом хобби, встречаясь с Брижит, считал своим долгом развить крокодиле направление её коллекции, а Брижит была слишком хорошо воспитана, чтобы отказываться от новых экспонатов. В итоге от них пришлось избавиться. Крокодилы маленькие и побольше, мягкие крокодилы-игрушки и крокодилы-магниты, открытки в виде крокодилов и даже футболка от Лакост – всё было отправлено в Алансон и его окрестности, где у Брижит жили многочисленные дальние родственники, и перешло в благодарные руки её троюродных племянников и племянниц. Из всей коллекции, по понятным причинам, осталась только сумочка из крокодиловой кожи. Тема крокодилов себя, таким образом, исчерпала. Но не коллекционировать Брижит не могла, а слоны стали объектом её страсти исключительно случайно, без всяких объективных на то причин.

Из холла можно было пройти налево – на кухню, и направо – в небольшой коридор, который вёл в кабинет Эрика, спальню, гардеробную и ванную. Подумав, я направилась в кабинет – если Эрик действительно работал в ту субботу, когда начали происходить все эти события, то следы должны были обнаружить себя именно там.

Входя в комнату, я сразу обратила внимание на беспорядок на рабочем столе. Это не было свойственно Эрику, но было свойственно Брижит, поэтому особенно подозрительно не выглядело. На столе, правда, были разбросаны чер-

новики писем Эрика по вопросам его министерства, журналы, письма, папки, конверты – но ничего привлекающего внимание. В остальном комната выглядела такой, какой обычно и была, кресло за рабочим столом было слегка отодвинуто, компьютер выключен, корзина для мусора пуста. В шкафах аккуратными рядами стояли папки с документами, книги, несколько компакт-дисков.

И все-таки мне показалось, что что-то не так, как всегда. Чего-то не хватало, или, наоборот, было что-то лишнее. Ну, знаете, как обычно бывает, когда пробуешь в гостях, скажем, суп из тунца – понимаешь, что ты готовишь его по-другому, ну, или твоя мама, или тетка, но что конкретно не так в этом супе, понять сразу невозможно. Может, положили сельдерей, а, может, не стали добавлять чёрный перец, а может, рыба никуда не годится. Примерно так же я чувствовала себя, стоя посреди кабинета Бриссаров и оглядывая комнату.

И вдруг я поняла. Напротив кабинета Эрика располагалась гардеробная, дверь в которую обычно была открыта, и первым, что бросалось в глаза, был женский манекен. А сейчас, находясь в кабинете, я могла видеть в гардеробной только полки с одеждой. Манекена перед ними не было. Это было интересно, и я решила выяснить, в чём дело.

Будучи костюмером, Брижит чувствовала себя обязанной поддерживать реноме и в повседневной жизни. Для этого она заказала себе специальный портновский манекен, который мог бы сослужить ей неплохую службу, реши Бри-

жит когда-нибудь смастерить что-то для себя (чего, насколько я могла судить, никогда не происходило). Кроме этого, на манекене было бы удобно прикидывать сочетание разных предметов одежды, головных уборов и аксессуаров. Я говорю «было бы», потому что участь манекена была решена в первую же неделю после его покупки и не имела никакого отношения к творчеству или ремеслу кутюрье. Разве что самое отдалённое. Потому что он был исключительно удобен для того, чтобы развешивать на нём одежду, которая всегда должна быть под рукой – чтобы не терять время, убирая её в шкафы и на полки. Пару раз, как рассказывала Брижит, масса одежды и сумочек на манекене достигала критической, равновесие нарушалось, и тогда он с грохотом падал на пол. Брижит принимала экстренные меры и всё-таки добиралась до шкафа с наименее популярными вещами. Сейчас, не заметив этого оригинального хранилища одежды Брижит, я подумала, что манекен, видимо, снова упал – под натиском одежды весенне-летнего сезона.

Тем не менее, манекен в гардеробной был, но он был сдвинут в угол комнаты и оказался, если можно так выразиться, совершенно голым. Правда, когда я подошла ближе, оказалось, что не совсем. На шее висела крошечная сумочка-клатч, из тех, с которыми ходят на премьеру в оперу или на ужин в посольство. Ни в опере, ни на торжественных мероприятиях уровня посольств Бриссары никогда не бывали, но клатч у Брижит всё-таки имелся. Да и у кого его нет, по-

ложу руку на сердце. Я открыла сумочку. Внутри оказался сложенный пополам лист бумаги. Я развернула его. Удивительно. Это было письмо и обращено оно было ко мне! Вернее, не совсем письмо, просто записка: «Франсуаза, встречаемся в нашем обычном месте в субботу. Приходи одна». Почерк Брижит, но какой-то неровный. Хотя вообще-то содержание письма было совершенно ясным, речь шла о кафе «Бернадотт», где мы частенько вместе обедали или просто заходили выпить по чашечке кофе. Не совсем ясны были две вещи: во-первых, о какой субботе шла речь, а во-вторых, почему записка в мой адрес попала мне на глаза таким странным способом. Я перевернула письмо, но на обратной стороне ничего не было. Единственным разумным объяснением происходящего могло быть то, что Брижит *знала*, что я проникну к ней в квартиру и не смогу не заметить нетипичного состояния её любимого манекена! Хотя, пришла мне в голову дикая мысль, Брижит, преследуемая таинственными злодеями, вполне могла напихать такие записки во все углы своей квартиры, лишь бы кто-нибудь когда-нибудь их смог найти, случайно вспомнив про ключ за перилами. Я бы скорее сложила записку самолетиком и выпустила в открытое окно, во всяком случае, практического смысла в таком расчёте ничуть не меньше, чем в записке Брижит. Но тем не менее она дошла до адресата, то есть до меня, и значит, затея моей подруги удалась.

Я ещё раз перечитала записку и вдруг поняла, что сегодня

именно суббота! Но тогда... Почему бы и нет? Если Брижит там, то нужно скорее бежать в «Бернадотт», чтобы наконец прояснить всё происходящее.

Я вышла из кабинета, машинально оглядывая обстановку, в которой, на мой взгляд, все оставалось как в прежние, довольно скучные времена, и вышла из квартиры. Подумав немного, решила закрыть дверь на ключ и положить ключ на его обычное место – в конце концов, я не единственная подруга Брижит, и кто знает, какие ещё записки – и кому – она оставила в своём покинутом доме. Выйдя на улицу, я направилась к месту нашей с Брижит встречи.

5

«Для меня „звёзды“ безразличны, меня интересуют исключительно продукты и приятно проведённое с гостями время».

Жерар Депардьё

Кафе «Бернадотт» было не из тех, что гудят целыми днями как пчелиный улей, и не из тех, в которых ежедневно обедают и ужинают строго определённый и весьма ограниченный круг посетителей. «Бернадотт» отличалось толерантностью и к иностранным туристам, смущённо озиравшимся при входе и коверкавшим французские слова, и к большим молодёжным тусовкам, которые время от времени оседали здесь на целый вечер, шумели и заказывали больше вина, чем еды. При этом завсегдатаев тут было немало, и мы с Брижит, а также с Марком и ещё двумя-тремя нашими друзьями, конечно, могли смело отнести себя к их числу.

Сейчас в кафе было немного посетителей. Брижит среди них не оказалось, зато здесь был хозяин заведения, мсье Бернар, невысокий седой француз лет семидесяти, который видел ещё «тот» Париж и прилежно сохранял его традиции в своём кафе. Здороваясь с мсье Бернаром, я увидела, что он как-то неестественно вытягивает шею и косится на дверь во внутренние помещения. Не знай я мсье Бернара тыся-

чу лет, я бы предположила у него определённые проблемы со здоровьем, или, скажем, дурные привычки, но в этом случае сомневаться не приходилось. Мсье Бернар хотел мне что-то сообщить, и для этого требовалось пройти на кухню. Так я и сделала.

Мсье Бернар вошёл через полминуты, вытирая пот со лба. Это был типичный для своего рода занятий пожилой парижанин, любитель поговорить, развлечь двумя-тремя шутками застенчивых туристок, обсудить с завсегдатаями его заведения чемпионат по футболу, перспективы единой валюты и планы на будущее. Но сейчас он был взволнован.

– Мадемуазель Франсуаза, – сказал он мне шёпотом (странно, но в этот день шёпот звучал как раскаты грома – почему люди не понимают, что для конспирации всегда лучше разговаривать монотонным скучным голосом, который не привлекает постороннего внимания?), – у меня новости от мадам Брижит.

– Новости? Вы видели её? Когда?

– Она была тут и предупредила, что вы зайдёте. Я должен передать вам от неё сообщение.

Почему всё так сложно? Почему просто не встретиться в тихом кафе и не поговорить?

– Какое сообщение? – мне было тяжело разговаривать шёпотом, почему-то сводило горло от напряжения, но не хотелось нарушать предложенную мсье Бернаром атмосферу секретности.

– Она просит вас прийти к... тарту.

– Что???

– К национальному тарту. – Мсье Бернар, казалось, очень досадовал на мою несообразительность, и я вдруг вспомнила мсье Леприона, моего учителя географии, которого мы, ученики, само собой, прозвали Леприконом, и который по каким-то неведомым причинам считал, что я подаю большие надежды в этой области научного знания. «Ну что же вы, мадемуазель Бонне», – казалось, печально говорили его глаза, когда я вдруг не оправдывала этих надежд и не могла ответить на примитивный географический вопрос.

Но, естественно, в данном случае мне долго думать не пришлось. Даже удивительно, что Брижит избрала такую форму конспирации (от иностранцев скрывалась?), которую раскусил бы любой француз. Конечно же, имелось в виду, что мне надлежало прийти к базилике Сакре-Кёр, что на Монмартре. Базилика была построена усилиями нескольких архитекторов и должна была воплощать византийский стиль, но, по мнению парижан, воплотила скорее представления об огромном тарту со взбитыми сливками, из-за чего и получила на некоторое время прозвище «национальный тарт». Итак, Брижит ждала меня внутри базилики Сакре-Кёр. Отлично.

Мне пришлось всё тем же таинственным шёпотом поблагодарить мсье Бернара за информацию, при этом он сделал нарочито равнодушное лицо, как будто меня здесь и не бы-

ло (что глупо, конечно, потому что никого бы не ввело в заблуждение), и вышел. Я подумала, что не мешало бы, пользуясь случаем, посетить дамскую комнату. Правда, это как-то не соответствовало атмосфере таинственности, но, с другой стороны, в кино агенты практически все свои тайные дела – от сеанса секретной связи до устранения врагов – совершают в туалете (но, возможно, не в дамском). В заведении «Бернадотт» был только один туалет – общий, поэтому я сочла, что в общую картину сегодняшнего дня это впишется.

Мсье Бернар проводил меня понимающим взглядом, когда я кивнула ему, выходя наконец на улицу. Само собой, он решил, что мои шефы в Пентагоне или на Каймановых островах уже получили от меня шифровку через встроенный в губную помаду передатчик. А я, не имея понятия о том, что меня ждёт, направилась к метро, чтобы добраться до Монмартра.

6

«В это время у подножия собора Сакре-Кёр монахини отрабатывают удар по мячу. Температура 24 градуса Цельсия, влажность 70% и атмосферное давление 999 гектопаскалей».

Кинофильм «Амели»

Выйдя из метро со станции Анвер, у подножья Монмартрского холма, я попала в бурное течение, состоящее из туристов всех национальностей. И сразу же сама почувствовала себя туристкой, потому что мой язык – французский – был тут самой настоящей лингвистической редкостью. Разноязычная межнациональная толпа двигалась несколько хаотично, но основное направление можно было определить без труда – к лестнице, ведущей к базилике Сакре-Кёр. Нам с толпой было, что называется, по пути. По дороге меня, явно приняв за туристку, пытались завлечь ребята из Северной Африки, умоляя позволить сплести на моей руке «браслет счастья» (за который, как говорят, потом требуют немаленькую сумму), но я, отвязавшись от них, продолжала движение наверх, постоянно попадая в объективы сотен фотокамер, нацеленных на холм и Сакре-Кёр.

Сама базилика была, как всегда, великолепна. Огромная, сияющая неземным белым светом, всегда на фоне неба, на этот раз – ярко-синего, она, конечно, смотрелась потряса-

юще. Во всяком случае, сейчас она куда больше ассоциировалась с архитектурой Парижа, чем с произведением кулинарного искусства. Но, возможно, таких тортов просто больше не готовят. Фасад, украшенный барельефами, с фигурой Христа в центре и конными статуями Людовика Святого и Жанны д'Арк, лаконичный, но изящный узор, причудливое сочетание простых геометрических форм, и всё это окружено замечательным парковым ансамблем – нет уж, дорогие предки-парижане, вы были несправедливы. Я вспомнила, что для строительства базилики был использован какой-то редкий тип известняка, который обладал особой прочностью и при намокании становился белоснежным.

Перед входом в собор возникла некоторая заминка, связанная с количеством желающих осмотреть его изнутри, но в итоге я благополучно проникла в прохладный сумрак и начала шарить глазами по стульям и скамьям в поисках Брижит.

Парижские прославленные церкви мирно уживаются с гигантским наплывом туристов всех стран и вероисповеданий. Всё просто – служба проходит в середине помещения, окружённой колоннами, а вереница ценителей архитектуры и живописи движется себе по периметру, изумляясь и фотографируя. Таким образом, никто никому не мешает. Парадоксально, но нет ничего странного в том, что кому-то, кто хочет побыть наедине с собой и погрузиться в атмосферу религиозного уединения, придёт в голову мысль отправиться

в Нотр-Дам-де-Пари или Сакре-Кёр, которые на деле просто кишат людьми, в смысле, туристами.

Собственно говоря, я не рассчитывала, что Брижит окажется там. Повлияли события последних часов, когда всё, что происходило, казалось интригующим и загадочным, но в центре истории, если так можно выразиться, находилась только я. А тут получалось, что как только я увижу Брижит, нашу привычную, знакомую многие годы Брижит – я стану просто наблюдателем, потому что ведь это у неё муж свихнулся и был увезён в неизвестном направлении, и это она скрывалась по разным концам Парижа от непонятных врагов. И мне не верилось, что я не смогу повлиять на события, а буду марионеткой в их руках. В руках дальнейших событий, если так можно сказать.

Но Брижит была там. Она спокойно сидела на одной из скамеек, и, возможно, дремала. Я, правда, не сразу узнала её – светлые волосы скрывал чёрный парик, на глазах оказались солнцезащитные очки-стрекозы. Брижит была в чёрном летнем пальто и с большой оранжевой сумкой, которую я раньше у неё не видела. Я почему-то начала рассматривать именно её, сумку. Подумала мимоходом, что мне не мешало бы обновить свою, но проблема в том, что я люблю пользоваться одной сумкой длительное время, привыкаю к ней, с закрытыми глазами ориентируюсь в её кармашках и отделениях, она просто становится частью меня, и купить новую сумку вместо старой – это всё равно что сделать пла-

стическую операцию, а такая процедура не должна повторяться слишком часто, иначе она подорвёт здоровье. Ещё я вспомнила, что существуют такие специальные переносные вставки в сумки, которые состоят из нескольких отделений, и, таким образом, позволяют менять этот аксессуар без утомительного переключивания содержимого. Всё это проносилось в моей голове, и я пришла в себя, только когда увидела, как Брижит стремительно подскочила ко мне, схватила за локоть и усадила на скамью.

*«Предметом ваших быть молитв – большая честь, И я её ценю. Но, может быть, нам сесть?»
Мольер, «Тартюф, или Обманщик»*

– Ну наконец-то, сколько же можно ждать? – шипела она. – Не понимаешь ты, что ли, что от нас сейчас зависит, может быть, судьба всего человечества?

Вот оно. То, чего я так боялась. Теперь меня заставят спасать человечество.

– Брижит! Ты сошла с ума! – лягнула я, не успев сообщить, что отныне это, наверное, большая тема для семьи Бриссаров.

Брижит загадочно посмотрела на меня из-за чёрных стекол очков. Почему-то, хоть я и не видела ее глаз, мне показалось, что загадочно.

– Нет, – сказала она, – я, слава Богу, ещё в своем уме, и это очень странно.

– Что ты имеешь в виду? В чём вообще дело? Что за фантазия оставлять в запертом доме записки, чтобы их нашёл человек, который и не собирался туда проникать?

Вокруг нас смутным непрерывным потоком двигались туристы. То есть не совсем вокруг нас, но всё же их присутствие ощущалось постоянно. Тихо перешёптывались англий-

ские, немецкие, польские, русские голоса, сдержанно щёлкали затворы фотоаппаратов, монотонно звучали шаги.

– Ты была у нас? Нашла записку? Что ж, – сказала Брижит, – это даже интересней, чем я думала. Нет, Франсуаза, конечно, я не могла на это рассчитывать, поэтому и послала тебе письмо на твой адрес. Ты ведь живешь на улице Дени Пуассона, шесть?

– Пять, – поправила я.

– Ах, вот как... Значит, ты его не получила. И нашла ту, первую записку... Я написала тебе, потом отвлеклась и потеряла её, и пришлось написать и отправить новую. Понимаешь, Эрик получил доступ к одной секретной папке. Вернее, эту папку он должен был доставить в аэропорт и там сдать прямо в руки представителям каких-то спецслужб.

– Эрик работал с секретными сведениями?

Странно, а ведь мне казалось, у Бриссара в министерстве на редкость скучная работа, он вечно возился с цифрами и отчётами, во всяком случае, так рассказывала Брижит.

Брижит опять обернулась (что за новая параноидальная привычка – всё время оборачиваться? Так действительно станешь объектом всеобщего внимания!) и шёпотом сказала:

– Я думаю, идея была как раз в том, чтобы привлечь рядового, незаметного сотрудника. Эрик не знал, что везёт. Документы были в большом конверте, а сам конверт, подписанный и опечатанный, был упакован в ещё один, на котором уже ничего не было написано.

Брижит снова оглянулась и придвинулась ещё ближе ко мне.

– Так вот, содержимое этих конвертов теперь у меня...

– У тебя секретные документы правительства? – Это становилось всё интереснее. – Зачем? Как? Что в них?

– В том-то и дело, – сказала Брижит, откидываясь на спинку скамьи. – Я не смогла узнать.

Я тоже откинулась и посмотрела вперёд, и потом вверх. Фигура Христа над алтарём, как всегда, завораживала и надолго притягивала взгляд. Яркая и светлая по контрасту с серыми стенами базилики, мозаика как будто распространяла вокруг неземное сияние. Минуту мы молчали и предавались каждая своим мыслям. Потом я снова решила заговорить.

– По-моему, будет лучше, если ты расскажешь всё по порядку. Как у тебя оказалось то, что Эрик вёз в аэропорт?

– Эрик не вёз конверт в аэропорт.

Мне пришлось наморщить лоб и потерять виски. Брижит сжалась и стала разъяснять.

– Я должна была с утра ехать на выходные к родителям в Алансон, но в последний момент решила отложить поездку, потому что в Прентан внезапно началась распродажа, а ты понимаешь, такое пропускать нельзя². И вот, когда я была там, ждала своей очереди в примерочную, я вдруг получила сообщение от Эрика, в котором он писал всякие пош-

² «Прентан» («Printemps») – Сеть французских универмагов. Главный магазин расположен в IX округе Парижа; открыт в 1865 году.

лости, называл меня лапочкой и в конце обещал, что наши проблемы скоро решатся, потому что он собирается проверить одну выгодную сделку и уехать со мной в Мексику. Я почти сразу поняла, что это предназначалось не мне.

– Боже, он что, тебя обманывал?

Это было сенсацией. Эрик смог завести подружку на стороне? Чего только в жизни не бывает! Я вдруг вспомнила, как в колледже, испытывая сострадание к однокласснику, который был некрасив, неразговорчив и жил вдвоём с пожилой матерью в квартале, полном нелегалами из Африки, пригласила его сходить как-нибудь вечером в кино. Бедняга растерялся, и мне было приятно его смущение, я себя чувствовала этакой сестрой милосердия, а оказалось, что он почти каждый вечер проводит с первой красоткой нашего класса, Сильвией, о чём она лично сообщила мне, постепенно переходя на крик и обещая вырвать мне волосы и заставить их съесть, если я когда-нибудь повторю своё предложение. Вот и Эрик оказался тёмной лошадкой...

Брижит вздохнула. Не было похоже, чтобы это разбивало ей сердце.

– Естественно, я была возмущена. По-моему, Франсуаза, это ужасно унизительно, кроме того, я хотела до конца выяснить – кто эта девица и о какой сделке он говорит. Я помчалась домой. Он был там и очень удивился, увидев меня. Я швырнула в него мобильный телефон с его сообщением.

– Попала, я надеюсь? – не удержалась я.

– Нет. Улетел в сторону и ударился о кресло. Но я старалась... Эрик поднял телефон, прочитал сообщение, побледнел, потом посмотрел на меня и начал нести какую-то чушь про то, что теперь всё должно измениться, что я, если хочу, могу бросить свою работу и уехать в другую страну, он лишь просит дать ему возможность наконец реализовать свои мечты с женщиной, которая составляет смысл его жизни.

Она снова наклонилась ко мне.

– Составляет смысл его жизни – можешь себе представить?

Я не представляла. Но хотела добраться до конца истории с секретным конвертом.

– И что ты?

– Я, естественно, спросила, кто она и каким образом он собирается реализовать свои мечты. Оказалось, что это секретарша его шефа, и они тайно встречаются уже два года. Но главное – он сказал мне: «У меня в руках документ, за который мне заплатят очень большие деньги». Я посмотрела на его руки, но там был только мой телефон. Тут я поняла, что он выражался фигурально.

Нет, подумала я, она просто невыносима.

– И что? – пришлось сказать снова.

– Он сказал, что получил папку для доставки в Орли, но по дороге в аэропорт ему позвонил незнакомый мужчина и предложил миллион евро в обмен на документы.

– Ого, – вырвалось у меня.

– Да, – Брижит оглянулась, – и Эрику требовалось всего лишь отвезти в аэропорт похожий конверт. Эрик мне рассказал, что набил его рекламными проспектами. Он отвёз конверт в аэропорт, передал какому-то неприметному человеку, которого должен был там найти, и вернулся домой ждать звонка от покупателей настоящего конверта. Ну, и в этот момент пришла я.

– И что? – сколько раз я уже повторила этот вопрос?

– Ну что, я, конечно, заявила, что не желаю иметь с ним ничего общего и уезжаю к родителям, а он может выметаться в Мексику, Бразилию или куда ему угодно. Собрала сумку и ушла. А потом приехала на вокзал и вдруг вспомнила, что забыла косметичку свою – представляешь, даже смену одежды взяла, а косметичку забыла! Пришлось возвращаться.

– Из-за косметички?

– Ну да. Вернулась, а из библиотеки выходит Эрик, хихикает и бормочет про себя что-то. Я сначала подумала – пьян, потом смотрю – взгляд совершенно безумный, на Эрика это не похоже. И лопочет что-то. Я даже не смогла ничего спросить, только слушала, а он всё насчет картинок и разную другую чушь нёс.

Мне стало ещё интереснее.

– А что именно?

– Это тяжело передать, просто набор слов. Знаешь, как если быстро-быстро переключать каналы на телевизоре, довольно похоже. И взгляд бессмысленный. Хихикал ещё.

– Ого! И что дальше?

– Я подошла к нему, а он на меня смотрит и пятится обратно в библиотеку. Потом вдруг завыл, ещё на четвереньки опустился – не знаю, волком, что ли, себя почувствовал, в общем, неприятно всё это было, Франсуаза. И тут зазвонил его мобильный. Эрик даже не повернулся к нему, а я думаю – если это его Жужу, или как там её, надо бы с ней поговорить, спросить, знает ли она, как он за полчаса дошёл до такого состояния и вообще, что она о себе думает, нахалка, звонить в присутствии законной жены!

– Ну-ну, – торопила я – Брижит могла опять уйти от основной темы.

– Беру трубку, а там мужской голос. Эрика спрашивает. Не могу ничего сделать, говорю, он слегка не в себе. А сам Эрик перестал выть и начал поскуливать. Мужчина заинтересовался, даже очень, спросил, кто я, как долго нахожусь рядом с Эриком. Ну то есть он хотел знать, присутствовала ли я при его... хмм... помрачении. Потом сказал мне – уходите немедленно из дома и ни в коем случае не смотрите в его бумаги – никуда не смотрите, просто уйдите и возвращайтесь завтра вечером. И положил трубку.

– И ты ушла?

– Да, ушла, но перед этим схватила какой-то лист, который лежал сложенный на столе, сама в это время не отрывала глаз от Эрика – вдруг попытается меня остановить, потом засунула эту бумагу в чистый конверт из ящика в его столе.

И заклеила. Потом вскрывать пришлось.

– А зачем заклеила?

– Машинально. Ты бы тоже не особо размышляла, если бы на твоих глазах муж начал бы грызть ножку кресла.

– А он начал? – тут мне почему-то стало смешно.

– Начал. И я выскочила из квартиры с конвертом и косметичкой, и понеслась на вокзал.

– Значит, косметичку взяла? – спросила я, как будто это был самый важный вопрос в этой ситуации. – А записку? Когда ты написала мне записку?

– Ну разве непонятно, когда вернулась туда через три дня! Подожди, я расскажу по порядку. Я бросилась в метро, поехала к Монпарнасу, на вокзал. Только через десять минут мне позвонили на мобильный. Другой незнакомый мужской голос спросил, почему я не послушалась и унесла документы со стола Эрика. Я попробовала притвориться, что ничего не знаю, но он сказал: «Бесполезно отрицать. Он не мог уйти далеко от документа. Странно только, что вы ещё в себе». Так и сказал – «в себе». И тут я вспомнила, что Эрик собирался получить крупную сумму за эти бумажки, и решила попытать счастья сама – всё равно ему такие деньги пока не пригодятся. И сказала, что могу вернуть документы за вознаграждение. Мужчина на секунду задумался, потом сказал: «Вам известно, что вы сейчас везёте?» Пришлось сказать, что нет. «У вас в руках абсолютное психическое оружие, лист бумаги с пока неизвестным нам содержанием, один

взгляд на который полностью разрушает мыслительные способности человеческого мозга».

8

«Бывают в жизни положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства».

Ф. де Ларошфуко

– Что-о-о-о? – завопила я – этого я никак не ожидала. Конечно, менее подходящего места, чтобы кричать, и вообразить трудно. Несколько человек из тех, что сидели на скамьях, с ужасом обернулись, туристы радостно сделали несколько снимков странной прихожанки, то есть меня. Пришлось быстро принять смиренный вид и опустить глаза.

Брижит тоже склонила голову и зашипела.

– Ты что? С ума сошла? – Посидев немного в смиренном молчании, мы продолжили беседу шёпотом.

– Он что, радиоактивный? Как может бумажка свести с ума?

– Не знаю, ты же понимаешь, что после этого я не могла в неё заглянуть. Я спросила, кто мне звонит, мужчина ответил, что это не имеет значения, что они из французских спецслужб и теперь мне следует осторожно, не заглядывая внутрь конверта и не сообщая никому о происходящем, приехать к себе домой и передать им документы.

Я согласилась сейчас же приехать – меня тоже ошеломи-

ло то, что он сказал. Я уже пересела на поезд в обратном направлении, как вдруг подумала – ведь теперь, если я сунусь к ним, меня уже никогда не оставят в покое – меня поместят в какую-нибудь секретную тюрьму для тех, кто встал на пути у органов безопасности, или начнут проводить надо мной опыты, или штраф какой выпишут, или ещё что-нибудь. И поняла, что мне ни в коем случае нельзя возвращаться. И ещё подумала – раз они так легко вычислили мой номер, надо бы избавиться на всякий случай от мобильного. Я собралась выбросить его на следующей станции, но тут позвонила ты.

Я сразу вспомнила тот странный разговор с Брижит, когда она пыталась убедить меня, что находится у родителей.

– Я поняла, что нужно вести себя как ни в чём не бывало и не привлекать внимания. Ну, в общем, я поговорила с тобой, выключила телефон, оставила в поезде, а сама поехала в район Оперы искать какой-нибудь маленький дешёвый отельчик. Нашла, сняла там номер, положила конверт в сейф и вернулась в Прентан.

– Ты вернулась, чтобы купить себе шмотки? – На такое даже я не была способна. – Брижит, это невероятно. За тобой охотились спецслужбы, а ты в это время копалась на распродаже?

Брижит возмутилась:

– Интересно, а чем бы я помогла делу, если бы *не пошла* в Прентан? Кому это мешало, я тебя спрашиваю??

Удивительно. Мне даже пришло в голову на секунду, что Брижит видела этот проклятый листок и сошла-таки с ума, хотя, если поразмыслить, и правда – кому мешал её безобидный шоппинг? Да и потом, что может быть лучше для женщины, чья семейная жизнь вдруг оказалась так жестоко разрушена, чем провести несколько спокойных часов в окружении красивой одежды и обуви, чьё терапевтическое влияние на женский организм невозможно переоценить?

– Я вернулась в отель, начала размышлять и поняла, что теперь мне просто необходимо связаться с кем-то из своих, лучше всего с тобой. А ещё я подумала почему-то, что вряд ли спецслужбы проведут в моей квартире больше двух-трёх дней, ну, разве что оставят какого-нибудь дежурного, которого я сразу смогу обнаружить, поэтому спустя три дня я пришла, забрала кое-что из своих вещей и написала тебе записку. Потом стала искать босоножки, и записка куда-то делась. Пришлось написать вторую. Получается, что отправила я её по неправильному адресу. А ты, значит, нашла ту, первую...

В этот момент моё внимание привлекло нечто, нарушившее спокойную гармонию полумрака базилики. К нам решительно приближались двое мужчин в тёмных очках и строгих деловых костюмах. И в ботинках, начищенных до зеркального блеска.

Возможно, сыграло свою роль то, что наговорила Брижит, а может, то, что они и не думали скрывать свои намерения,

но я сразу поняла, что пришли эти ботинки за нами. Видимо, в моих глазах отразился ужас, потому что лицо Брижит, обращённое ко мне, на секунду застыло, а потом она, не оборачиваясь, достала из-под скамьи свою сумку, не торопясь вытащила из неё зеркальце, помаду и белый конверт, который положила к себе на колени. Затем медленно, внимательно, не обращая внимания ни на меня, ни на подходящих к ней мужчин, стала красить губы. Я смотрела на неё, не в силах отвести глаз, и вдруг поняла, что и незнакомцы в костюмах в некоторой степени заморожены, слишком уж самозабвенно Брижит отдалась процессу, слишком уж неподходящим было место для того, чтобы поправлять макияж. Потом она вздохнула, закрыла зеркальце, убрала его и помаду в сумку, а сумку поставила к себе на колени, прямо на белый конверт.

– Мадам, – обратился к Брижит один из подошедших, снимая очки.

– Чем могу помочь? – очаровательно улыбнулась Брижит. Я вся внутренне напряглась, но подруга была на удивление беззаботна.

– Я попрошу вас проследовать за нами. И вас, – обратился он ко мне. На меня смотрели холодные серые глаза – такие, знаете, профессиональные глаза, не как у других мужчин. С такими бесполезно кокетничать, или пускаться в них, в глаза, пыль – ну, вы понимаете.

Второй, тем временем, остановился неподалёку, словно размышляя, не присесть ли ему, чтобы не привлечь излиш-

него внимания – ведь человек в тёмных очках, стоявший среди скамей для прихожан, несомненно, бросался в глаза. Поразмыслив, он всё-таки присел, но не спускал глаз с нашей троицы, так что любая мысль о побеге была безнадёжной. Я попыталась найти поддержку других добрых католиков, но оказалось, что как раз в этот момент на скамьях остались только мы с Брижит, ну и, разумеется, наши будущие конвоиры. Правда, оставался ещё европейско-азиатский безликий поток с фотоаппаратами, но как могли нам помочь туристы? Сейчас нас сцапают, подумала я с тоской.

– В чём дело? – спросила Брижит совершенно спокойно. – Вы из полиции?

В ответ нам было предъявлено удостоверение жандарма, из которого мне почему-то запомнилось, что родился наш визави 19 апреля.

– Вы хотите нас допросить? – продолжала свою игру Брижит. – А может, – она улыбнулась одним уголком своих свеженакрашенных губ, – что-то у нас забрать?

Дальше всё произошло очень быстро. Она выхватила из конверта, лежавшего на коленях, какой-то листок и буквально ткнула им в лицо мужчины. Я видела только чистую, оборотную часть листка, а вот человек из жандармерии стал заинтересованно рассматривать документ с лицевой стороны. Он не читал – он именно разглядывал листок, как разглядывают, скажем, рыб в океанариумах, или голландские миниатюры – очень внимательно и сосредоточенно, а через

некоторое время широко улыбнулся и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.